

П.И. Шульга

Некоторые итоги изучения деталей конского снаряжения из Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова*

Собрание деталей конского снаряжения из Минусинского музея всегда привлекало внимание специалистов, но используется крайне слабо, поскольку опубликованы лишь суммарный анализ и сводные таблицы изделий без масштаба [1]. Определенное недоверие вызывают и обстоятельства их обнаружения. Почти все детали происходят из случайных сборов, что не позволяет уверенно соотнести их с известными погребальными комплексами. Тем не менее минусинская коллекция бронзовых удил и псалиев представляет особый интерес для понимания особенностей сложения конского снаряжения в Южной Сибири. Понять и по достоинству оценить ее долгое время не позволяло крайне малое количество необходимых для сравнения материалов на соседних территориях.

За прошедшие годы ситуация существенно изменилась: на Алтае и в Туве выявлено большое количество новых сбруйных наборов в представительных погребальных памятниках; прослежены основные закономерности в эволюции конского снаряжения VII–III вв. до н.э. В Южной Сибири совершенная сбруя с разработанной металлической фурнитурой появляется только в раннескифских погребениях. До этого здесь фиксируются лишь роговые разнотипные псалии без удил на поселениях эпохи поздней бронзы и на памятниках переходного времени (VIII–VII вв. до н.э.). Первоначально центральное отверстие у этих псалиев устраивалось перпендикулярно концевым. Несколько позже все отверстия стали располагать в одной плоскости. Примерно в IX–VIII вв. до н.э. на памятниках поздней бронзы в Южной Сибири появляются сильно изогнутые (иногда коленчатые) псалии, в том числе с грибовидными или расширенными окончаниями. Все они роговые. Бронзовых удил с ними не известно. Других металлических и даже роговых (костяных) сбруйных деталей в эпоху поздней бронзы, по-видимому, вовсе не было, о чем говорит их отсутствие в поселенческих комплексах с псалиями. На Алтае и в Туве наследуемые с эпохи бронзы коленчатые псалии с грибовидными навершиями продолжают встречаться также без бронзовых удил и в раннескифских погребальных комплексах, но даже в наиболее ранних из них (Аржан-1) данные признаки

слабо выражены, а сами бронзовые псалии, обычно используются с бронзовыми удилами. Затем в VII в. до н.э. на Алтае, в Туве и Казахстане распространяются во многом близкие между собой варианты сложной металлической сбруйной фурнитуры с различными видами трехдырчатых псалиев, а также напускными, V-образными и шпеньковыми псалиями. В это время на указанной территории преобладают удила с простыми стремечковидными окончаниями без дополнительного отверстия, а зафиксированные в Аржане-1 однокольчатые почти полностью исчезают и вновь появляются с большими кольцами только в середине VI в. до н.э. в пазырыкско-саглынской сбруе. Переходные формы от стремечковидных удил к кольчатым удилам с вставлявшимися псалиями на Алтае, в Туве и Казахстане почти не фиксируются, и по археологическим материалам смена происходит почти внезапно. На этом фоне псалии и удила из Минусинской котловины имеют явные отличия и демонстрируют особый путь развития деталей конского снаряжения.

Псалии и удила из Минусинской котловины можно разделить на пять хронологических групп: 1) время, предшествующее появлению собственно раннескифских комплексов (примерно IX в. до н.э.); 2) датируемый в рамках VIII в. до н.э. этап формирования раннескифской культуры, завершающийся комплексом из Аржана-1; 3) время расцвета раннескифской культуры (VII в. до н.э.); 4) финал раннескифской культуры и переходный период к пазырыкско-саглыским комплексам (примерно первая половина VI в. до н.э.); 5) 2-я половина VI–IV вв. до н.э. Из них наибольший интерес представляют бронзовые псалии и удила ранних групп.

Псалии. Группа 1. Наиболее ранними являются бронзовые псалии с центральным отверстием, расположенным перпендикулярно концевым. Одна пара псалиев с грибовидными окончаниями сопровождалась вставлявшимися в центральные отверстия удилами с грибовидными шляпками (рис. 1.-15) [1, табл. 16.-22А, с. 67, 72]. Два других однотипных несколько изогнутых псалия имели на концах кольцевидные окончания (рис. 1.-16, 17). Судя по обломанному псалию из Минусинского музея, длина их была всего около 8 см. Размеры центральных подовальных отверстий (около 9x8 мм) малы для пропуска окончаний известных ранних бронзовых удил (рис. 3.-1, 2) и явно рассчитаны на ременные удила. Несмотря на

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-00309а «Хронология погребальных памятников VII–III вв. до н.э. кочевников Саяно-Алтая и Китая» и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

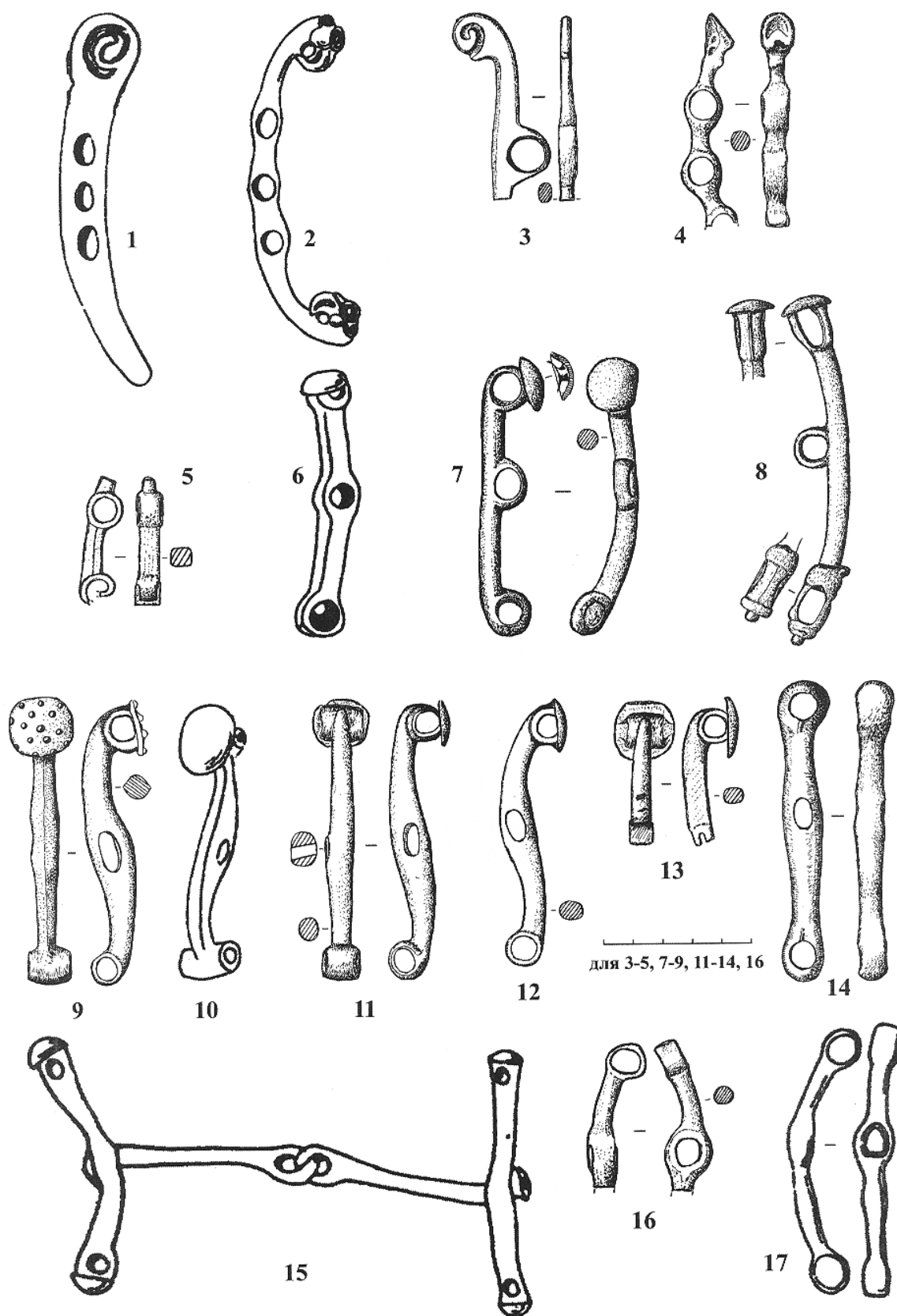

Рис. 1. Бронзовые псалии из Минусинской котловины IX – начала VI вв. до н.э.
(1, 2, 6, 10, 15, 17 – по: Членова Н.Л., 1967)

отсутствие шляпок, эти псалии, очевидно, синхронны вышеуказанным с бронзовыми удилами.

Группа 2. Типологически позднее появляются трехдырчатые S-видные бронзовые псалии с отверстиями в одной плоскости (рис. 1.-9–13). Окончания у них трубчатые. На одном из концов имеется шляпка. Длина этих псалиев около 9,5 см, размеры овальных центральных отверстий 10x6 и 14x6 мм. К этой же группе примыкает S-видный псалий длиной 10,3 см, но без шляпки и трубчатых окончаний (рис. 1.-14). Хронологически близкими являются и два псалия с петлевидными центральными отверстиями, несколько смещенными к одному концу (рис. 1.-7, 8). Первый сильно деформированный псалий опубликован с большими искажениями [1, табл. 16.-24]. Первоначально же он имел слабоизогнутый стержень с круглой центральной петелькой (диаметр отверстия 8 мм) и овальным отверстием на одном из окончаний с грибовидной шляпкой (рис. 1.-8). Другой его конец с выступающей шишечкой отлит позднее. Длина псалия 12 см. Второй псалий длиной 9,5 см имел почти прямой стержень с тремя отверстиями в виде направленных в одну сторону петель (диаметр отверстий около 10 мм). На одном конце припаяна грибовидная шляпка на шпильке (рис. 1.-7). Все указанные псалии типологически более ранние, нежели найденные в Аржане-1 с условно выделенными шляпками. Исключение представляет лишь один известный по рисунку псалий из Камышты, вполне сопоставимый с аржанскими (рис. 1.-6) [1, табл. 16.-21]. Указанные псалии могли использоваться как с бронзовыми, так и с ременными удилами. К ранней группе, вероятно, относится и обломок трехдырчатого псалия изначальной длиной около 8 см с подквадратным в сечении стержнем и округлым выступом на сохранившемся конце (рис. 1.-5).

Группа 3. Ко времени повсеместного распространения сбруи сако-майэмирского типа (VII в. до н.э.) уверенно относится лишь один трехдырчатый псалий с сохранившимся окончанием в виде изящно выполненной нижней части ноги лошади с копытом (рис. 1.-4).

Группа 4. Еще три псалия с головками ушастых грифонов и спиралевидными орнаментами на концах могут быть датированы примерно началом VI в. до н.э. (рис. 1.-1–3).

Как видим, большинство ранних бронзовых псалиев из Минусинской котловины принципиально отличаются от известных на Алтае и в Туве. Отчасти это объясняется местной спецификой, но главная причина, несомненно, хронологическая. Псалии первой и второй групп могут быть соотнесены с представленными на поселениях поздней бронзы и переходного времени. Судя по наличию экземпляров с отверстиями в разных плоскостях и хорошо выраженными грибовидными окончаниями, псалии первой группы и часть второй

бытовали в Минусе еще до появления раннескифских комплексов типа Аржана-1. Предлагаемая группировка ранних псалиев в рамках четырех хронологических этапов в основном совпадает с предложенной ранее [1; 2]. Остановимся на вопросе выделения псалиев «сложного вида», состоящих из кольца и прямоугольного окончания [2, с. 12] и строгих «ажурных» псалиев из числа называвшихся «скребницами» своеобразных бронзовых предметов [1, с. 74–75; 2, с. 12–13]. В отношении псалиев «сложного типа» следует лишь сказать, что их выделение есть результат недоразумения, поскольку находящееся в окончании удила кольцо с прямоугольной рамкой не что иное, как переходник для крепления повода, и к псалиям отношения не имеет. Более подробно рассмотрим «строгие псалии» и «трэнзеля». Н.Л. Членова разделила найденные в Минусе ажурные изделия с шипами на строгие псалии с «цилиндрической трубочкой» по центру и на трэнзеля с ручками. Первые она отождествляла с пластинчатыми надевавшимися на удила луристанскими и ближневосточными псалиями, воздействовавшими короткими шипами на морду лошади. Однако сходство между ними лишь внешнее и предложенная ею реконструкция не работает, несмотря на кажущуюся простоту и ссылку на мнение К.Ф. Смирнова (рис. 2.-10, 11). То же самое можно сказать и о «трэнзелях» с ручками, которые позднее Н.А. Боковенко определил как строгие псалии. Для того чтобы конструкция действовала, он предложил вставить их ручки в малые дополнительные колечки раннескифских удили, в большом количестве представленных в Минусинской котловине (рис. 2.-9). По указанию данного автора, это было подтверждено экспериментально и трасологическим анализом [2, с. 12]. Однако и эта реконструкция не может быть принята.

1. У многих «скребниц» с ручками следы хорошо выраженной сработанности на стержне указывают на сильное и прямо противоположное воздействие, не совместимое с их использованием в качестве псалиев.

2. У данных изделий не предусмотрено отверстий или иных устройств для соединения «псалиев» с ремнями оголовья, что наиболее наглядно демонстрируют простые «скребницы» из стержня и одной перпендикулярно расположенной планки с зубцами (рис. 2.-3).

3. Ни у одного из малых колечек в стремечковидных окончаниях удили из Минусинского музея нет неизбежных следов сработанности от вставленного в них бронзового стержня. Помимо этого, по следам сработанности в верхней и нижней частях стержневой диаметр реконструируемой втулки, в которую вставлялись стержни, составлял около 1,5–2 см, что также не соответствует высоте малых колечек в удилах (рис. 3.-3–6).

4. Обратим внимание на неоправданно большую длину шипов у «скребниц» (около 1,5 см). Если вста-

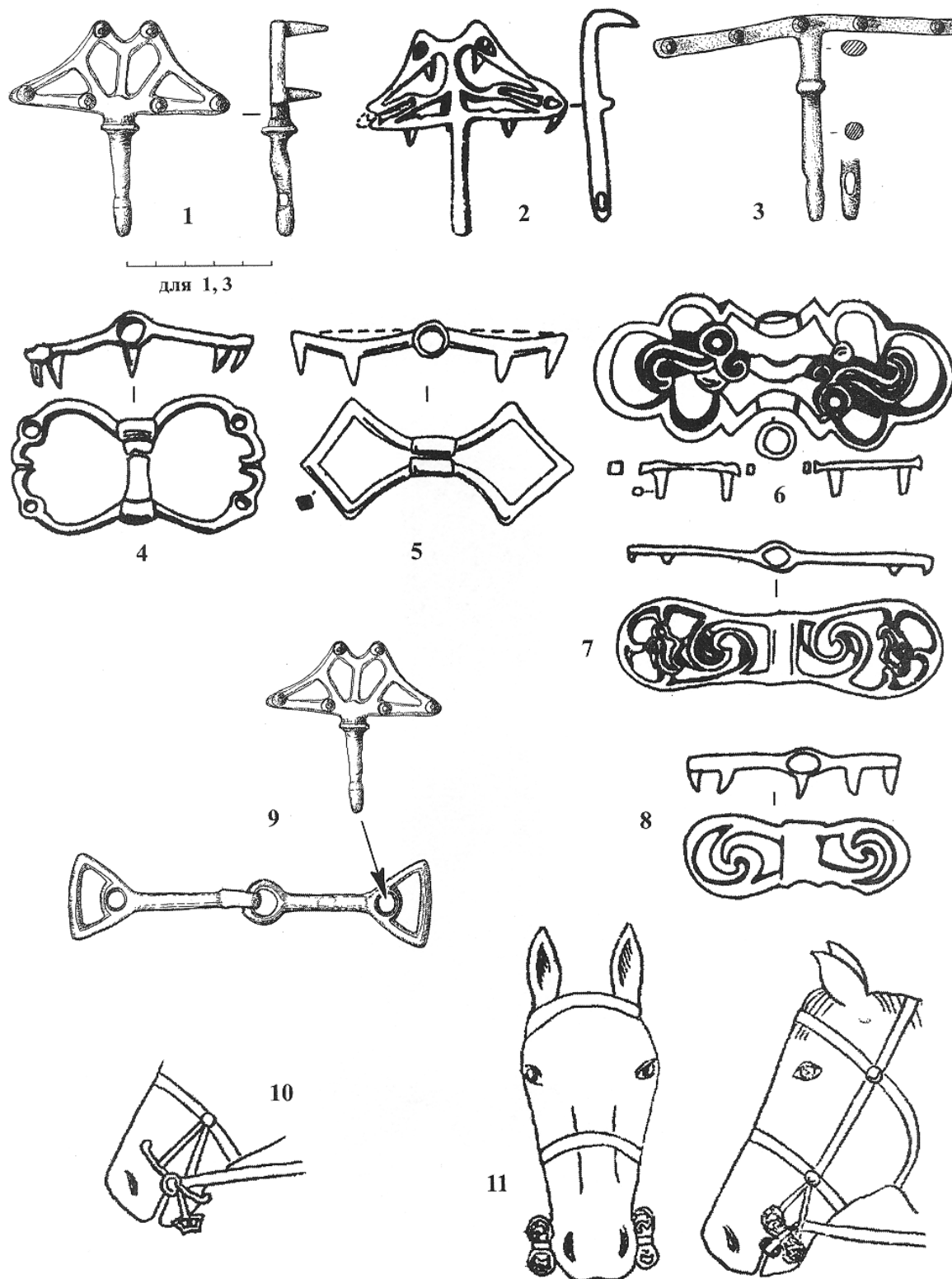

Рис. 2. Бронзовые «скребницы» из Минусинской котловины и предлагаемые способы их применения в качестве «строгих псалиев» и «трэнзелей» (9 – реконструкция по: Боковенко Н.А., 1986; 10, 11 – реконструкция по: Членова Н.Л., 1967)

вить «скребницы» в малые кольца удил, расстояние между которыми составляет от 11,5 до 14,5 см, то зазор между шипами сокращается соответственно до 8,5 и 11,5 см. Очевидно, что удила с такими «псалиями» просто не могли быть надеты на морду лошади.

5. Имеющиеся на некоторых «скребницах» реалистичные и стилизованные изображения орлов с длинными шеями и ушастых орлов («грифонов»), как справедливо отмечала еще Н.Л. Членова, датируются в рамках 2-й половины VI–V вв. до н.э. (рис. 2.-4, 6–8). Следовательно, ко времени распространения «скребниц» раннескифские удила с дополнительными колечками уже вышли из употребления. Важно отметить, что в коллекции музея имеются «скребницы» иных типов. Три из них вытянутые с двойными ручками и одна без ручек. Там же есть по меньшей мере две малых «скребницы» без ручек и втулок, но, очевидно, что все они предназначались для одних целей, не связанных с уздой лошади. Вопрос о назначении «скребниц» требует особого рассмотрения. Почти все эти разнообразные предметы имели цельнолитые или вставные ручки. Острия у некоторых шипов, по всей видимости, сработаны. Судя по следам, ручки «скребниц» вставлялись в какие-то бронзовые (?) втулки шириной 1,5–2 см, в которых они поворачивались примерно до 10–25 градусов. Во время их использования «скребницы» прижимались с лицевой стороны, отчего на ручках имеются характерные следы сработанности. Соответственно, данные изделия нельзя назвать и простыми скребницами, которые держали за ручку. Они являлись деталями каких-то сложных устройств, назначение которых пока не понятно.

Удила. В Минусинском музее осмотрено и зарисовано 200 целых и фрагментированных комплектов бронзовых удил, из которых половина относится к раннескифскому времени. К первой наиболее ранней хронологической группе могут быть отнесены двое удил с малыми овальными или подтреугольными отверстиями во внешних окончаниях (рис. 3.-1, 2) размерами от 9x8 до 12x9 мм. Общая длина их 18 и 16,5 см. Вероятно, они пропускались сквозь центральное отверстие в псалиях, подобно вышеописанным удилам с бронзовыми псалиями (рис. 1.-15). Для этого отверстие в псалиях должно было иметь довольно большие размеры – до 1,8x1,5 см, но таковые в коллекции отсутствуют. Следует упомянуть замечательно сохранившиеся удила длиной 13 см с малыми внешними кольцами (диаметр отверстий около 1 см), без следов сработанности. Однако полной уверенности в их датировке нет. Остальные характерные для раннескифского времени удила могут датироваться в рамках VIII–VII вв. до н.э. Из 96 учтенных экземпляров 65 удил имели в окончании дополнительное малое отверстие под ремень для привязывания к псалиям, а 26 – стремечковидные окончания без дополнительного отверстия (рис. 3). Наиболее ран-

ними среди них могут быть немногочисленные удила с окончаниями в виде широкого сводчатого стремечка типа найденных в Аржане-1 [3], в том числе и с дополнительным колечком (рис. 3.-3, 7). Если исходить из логики развития однокольчатых удил и материалов Аржана-1, то сюда могли быть отнесены и удила с малыми отверстиями диаметром около 2 см, которых насчитывается 18 экземпляров (рис. 3.-14). Однако по всем данным они значительно древнее и датируются 1-й половиной VI в. до н.э.

Особую группу из 11 экземпляров представляют удила с рамкой повода и увеличенным внешним кольцом (диаметр отверстия около 2 см), предназначенным для пропускания псаля (рис. 3.-12). На соседних территориях они почти не встречаются. Подобные по устройству удила с рамкой повода эпизодически появляются в финальных раннескифских комплексах (Измайловка) и полностью исчезают уже в середине VI в. до н.э. Очевидно, минусинские удила датируются первой половиной VI в. до н.э. и отражают переход от раннескифских удил с дополнительным колечком к распространившимся с середины VI в. до н.э. однокольчатым удилам большого диаметра. Именно с ними связываются однокольчатые удила с диаметром отверстий около 2 см, что подтверждается наличием удил, сочетающих оба вида окончаний (рис. 3.-13), а также однокольчатых удил, явно воспроизводящих кольца удил с рамкой для повода (рис. 3.-14). В это время появляются и повсеместно распространяются удила с кольцами большого диаметра (рис. 3.-15, 16). Типология и эволюция удил из Минусинской котловины будут рассмотрены в отдельной работе. Обратим лишь внимание на недопустимость объединения в одну хронологическую группу двукольчатых удил и удил, имеющих перпендикулярную рамку для повода, как это сделала в свое время Н.Л. Членова [1, с. 66–67, табл. 16.-1–3]. Удила с двукольчатыми окончаниями малого диаметра относятся к наиболее ранним, привязывавшимся к псалиям. Удила же с большим отверстием для пропускания псаля распространены значительно позже и появляются эпизодически только в финале раннескифской культуры (Измайловка), когда впервые псалии начинают вставляться в окончания удил (Алды-Бель-1, к. 21). Удила с рамкой повода, расположенной в одной плоскости с кольцом или перпендикулярно ему, по всем данным, существовали синхронно и различия между ними связаны с культурными особенностями.

Удила из Минусы столь же своеобразны, как и псалии. Там также имеются наиболее ранние экземпляры, не встречаемые на Алтае и в Туве (рис. 3.-1, 2). Особо отметим наличие в Минусе большого количества раннескифских удил с дополнительным отверстием и переходных удил с рамками для повода. Количество первых в Минусинской котловине в два с лишним раза превышает число простых со стремечковид-

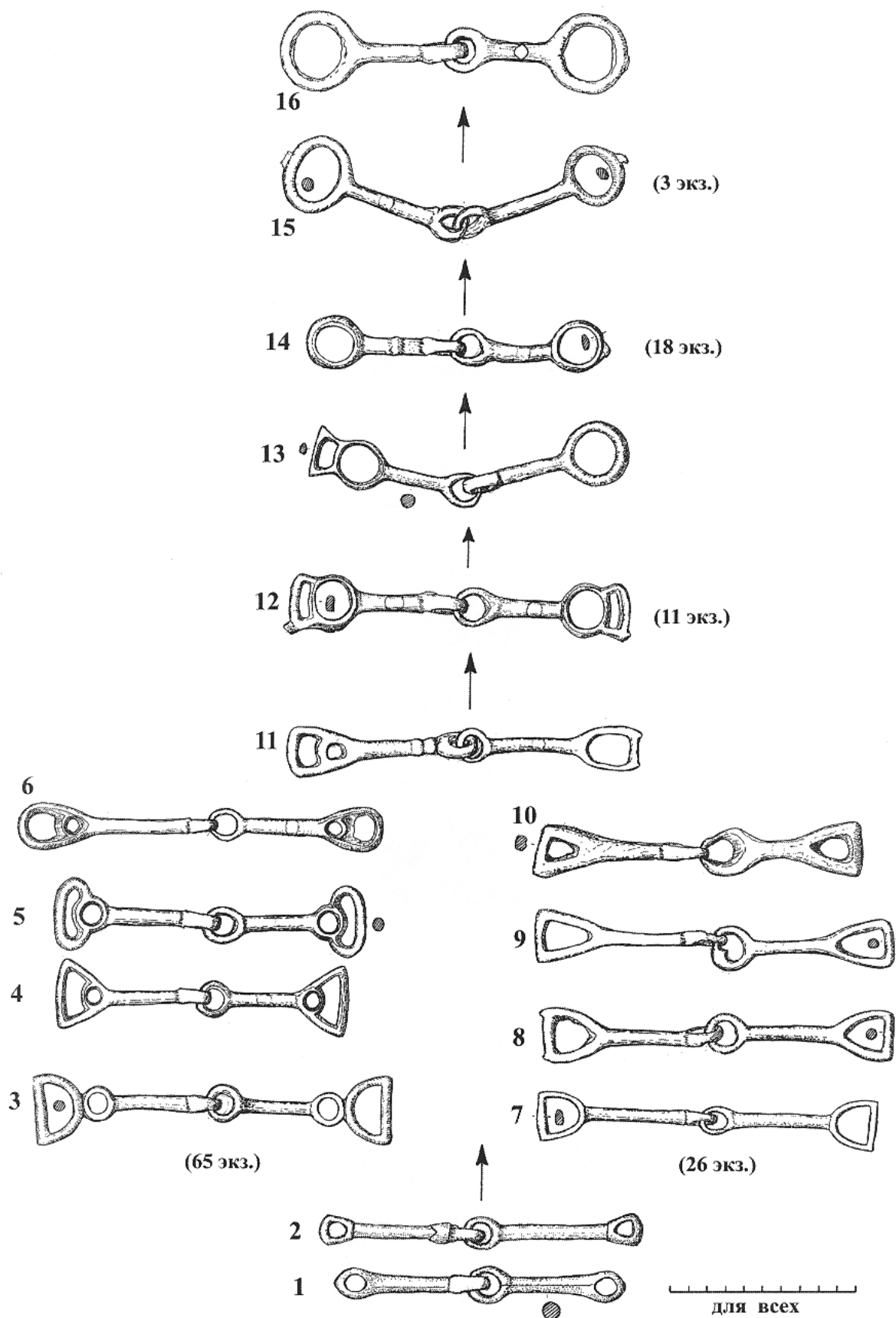

Рис. 3. Эволюция бронзовых удил в Минусинской котловине. *Материалы Минусинского музея*

ными окончаниями (рис. 3), тогда как на Алтае из 54 раннескифских удил дополнительные отверстия имели только семь. В Туве таких удил всего два комплекта из Аржана-1 и Аржана-2. Неожиданно большое распространение в Минусинской котловине получили удила с рамками повода и увеличенными кольцами под вставлявшийся псалий (рис. 3.-12, 13). На Алтае же и в Туве конструктивно подобные переходные удила почти не встречаются, а аналогичные минусинским удила найдены только в одном комплексе из Тувы (Демир-Суг-1).

Таким образом, особенности псалиев и удил из Минусинской котловины указывают на принципиальные различия в эволюции конского снаряжения. Сбруйные наборы на Алтае и в Туве также имеют свою специфику и свою линию развития. Все это полностью подтверждает точку зрения М.П. Грязнова об одновременном формировании раннескифской культуры в нескольких центрах [3, с. 59–60]. Думается, что Ми-

нусинский центр играл особую роль. Нет сомнений, что бронзовые удила и псалии появились здесь значительно раньше, чем в Туве и на Алтае. Причин тому несколько. Во-первых, вопреки мнению Н.Л. Членовой [1, с. 66], имеются все основания считать Минусинскую котловину одним из центров формирования кочевников, поскольку эта территория относится к числу наиболее благоприятных для круглогодичного выпаса скота без заготовки кормов. Во-вторых, наличие месторождений меди и традиций ее обработки позволило раньше начать массовое изготовление бронзовых деталей. Есть основания считать, что Минусинская котловина оказала значительное влияние на формирование конского снаряжения в раннескифское время на соседних территориях. Однако влияние это не было прямым даже в примыкающей Туве. В отношении же Монголии и Китая, вероятно, следует говорить о взаимовлиянии, но данный вопрос требует особого рассмотрения.

Библиографический список

1. Членова, Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры / Н.Л. Членова. – М., 1967.

2. Боковенко, Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаря-

жения) / Н.А. Боковенко : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986.

3. Грязнов, М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени / М.П. Грязнов. – Л., 1980.